

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 17
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Дивное пророчество Симеона Богопримца. (Ко 2 февраля). С. Н. К.—Сила Божія и немощь челоуѣческая Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса*. — Страшенъ часъ, да милостивъ Богъ. Разказъ. А. *Мевимонова*. — Архимандритъ Іановъ (Поспѣловъ). И его письма къ игуменіи Арсевіи (Корчагиной). Н. *Сладникова*. — Божье ононецъ. *Свящ. С. Козубовскаго*.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО**.

ДИВНОЕ ПРОРОЧЕСТВО СУМЕОНА БОГОПРИИМЦА.

(Ко 2 февраля).

Се, лежитъ сей на паденіе и на восстаніе многимъ во Израили, и въ знаменіе прерѣкаемо. (Лк. II, 34). Въ Ветхомъ и Новомъ завѣтѣ есть много такихъ пророчествъ, которыми для вѣрующаго христіанскаго сердца какъ нельзя болѣе ясно доказывается истина Христа и христіанства. Къ числу столь дивныхъ пророчествъ принадлежитъ пророчество о Христѣ-Богомладенцѣ праведнаго Сумеона: „се, лежитъ сей на паденіе и на восстаніе многихъ во Израиль и въ предметъ прерѣканій (и соблазновъ“).

Трудно изобразить,—это можно только переживать и испытывать,—какими чаяніями и утѣхами жилъ сей праведный старецъ предъ пришествіемъ Христа—обѣтованнаго Мессіи во Израиль. Хотя онъ одряхлѣлъ годами, но онъ вѣровалъ, что не умретъ, пока не увидитъ Христа Господня. Объ этомъ ему возвѣщено было свыше. А какая это была высокая награда для ветхозавѣтнаго еврея! Не было выше, не было святѣе и отраднѣе этой утѣхи Израилевой. Еврей находилъ для себя отраду и въ томъ упованіи, что если не самъ онъ, то, по крайней мѣрѣ, его потомки узрятъ свѣтъ въ откровеніе языковъ и славу людей своихъ Израиля. Вотъ почему безчадный не имѣвшій потомства среди Евреевъ, считался сугубо несчастнымъ. Даже самый ветхозавѣтный законъ смотрѣлъ на бездѣтнаго, какъ на великаго грѣшника, и запрещалъ брать отъ него дары и жертвы Богу въ Іерусалимскомъ храмѣ. А тутъ—какая радость, какое счастье! Онъ праведный старецъ—самъ своими очами долженъ увидѣть отраду Израиля. Вотъ, Богомладенецъ принесенъ былъ во храмъ—*поставити его предъ Господемъ*. Праведный Сумеонъ Духомъ Святымъ приведенъ былъ въ этотъ часъ въ церковь Божию. Духовными очами прозрѣлъ онъ чуднаго Богомладенца, взялъ Его на свои холодѣющія руки, въ свои старческія объятія и передъ

очами всѣхъ, собравшихся во храмѣ, произнесъ эти чудныя слова: *нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ. Яко видѣсть очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей: свѣтъ во откровеніе языкомъ, и славу людей Твоихъ Израиля.*

Что чувствовало тогда старческое сердце? Куда устремлены были его духовные взоры? О, этого никому не изобразить! Это можно было только непосредственно ощущать и переживать. Воистину, это были высокія глубоко-радостныя минуты, которыя испытываются только однажды и ужъ больше не повторяются.

подавая же обратно Богомладенца Матери Его, старецъ какъ бы такъ пророчески говорилъ ей: „вотъ, этотъ чудный Младенецъ—однимъ будетъ на паденіе, а другимъ—на спасеніе; одни увѣруютъ въ Него и спасутся Имъ, другіе—не увѣруютъ и погибнутъ!“

Какая это глубокая истина! Какое дивное пророчество! Сколько разъ исполнялось оно въ жизни человѣчества, какъ исполняется оно нынѣ предъ глазами нашими, и какъ будетъ исполняться до самаго конца міра!

Однимъ Онъ будетъ на паденіе, другимъ на спасеніе! Сколь многимъ Іудеямъ явился Онъ соблазномъ, сколь многимъ Еллинамъ—безуміемъ! Погибли невѣрующіе Іудеи. Погибъ ихъ священный градъ Іерусалимъ. Камня на камнѣ не осталось отъ ихъ храма. Погибли и Еллины. Гдѣ ихъ военная сила и доблесть? Гдѣ чудеса ихъ наукъ и искусствъ? Гдѣ красота ихъ храмовъ и зданій? Обо всемъ остались одни только жалкія воспоминанія. Кто же явился наслѣдниками ихъ царствія? Двѣнадцать галилейскихъ рыбаей, которые подчинили Христу царей и царства отъ вельможи до раба, отъ философа до простолюдина. Вотъ эти-то двѣнадцать привлекли тѣхъ званыхъ, для которыхъ Христосъ есть *Божія сила и Божія премудрость*, которымъ Онъ служилъ и служить не на паденіе а на возстаніе.

Эта же картина и предъ нашими глазами. Сколько вѣрующихъ сердець, сколько простыхъ, не мудрствующихъ умовъ до сихъ поръ въ Немъ — во Христѣ находятъ все свое спасеніе и утѣшеніе! Сколько гордыхъ умовъ вѣка и нынѣ соблазняются проповѣдію о Распятіи, какъ нѣкогда Іудеи и Еллины! Сколь многимъ буйство Креста Христова служитъ камнемъ преткновенія и соблазна! Такъ что не слышимъ ли мы и нынѣ духовными ушами тотъ сладчайшій голосъ нашего Спасителя, который слышали нѣкогда изъ устъ Его ученики Его: *исповѣдаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія (т. е. тайны царствія Божія) отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ?* (Лк. X, 21).

Но вотъ, опять встаетъ передъ нами величавый образъ ветхо-

завѣтнаго старца съ Богомладенцемъ въ своихъ объятіяхъ и съ торжественною гѣснiю во устахъ: *нынѣ отпушаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ...*

О, какъ было бы отрадно намъ, братіе, также разстаться со своею жизнію, какъ нѣкогда разстался съ нею праведный старецъ, узрѣвшій *святъ во откровеніе языкомъ!* Не напрасно же святая Церковь вдохновенную гѣснѣю праведнаго Свмеона повторяетъ намъ каждый разъ за вечернимъ Богослуженіемъ. Сближая вечеръ дня съ вечеромъ жизни, она руководитъ насъ, чтобы прощаніе съ жизнію было такъ же намъ отрадно, какъ и праведному Свмеону Богопріимцу. Еже буди, буди!

С. Н. Н.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Иисусъ Христосъ вчера и днесъ, Той же и во вѣки“.

Такъ въ Духѣ Святомъ утверждаетъ Святой Апостоль Павелъ, обращая свое вдохновенное слово къ Церкви вѣрующихъ всѣхъ странъ, всѣхъ временъ до скончанія вѣка. И слово это, какъ слово Божіе, измѣниться не можетъ; и какъ Церковь Божію, такъ и слово Апостольское не одолѣютъ и врата адовы,—этому вѣрять хрістіанская вѣчность, и должны вѣрять и мы, православные хрістіане, предназначенные къ вѣчности, къ вѣчному спасенію къ вѣчному радованію, къ вѣчному царствованію вмѣстѣ съ Царемъ славы, Христомъ Иисусомъ. Такова вѣра наша, и съ этой вѣрой Богу милующу, мы и отойдемъ въ Царство Свѣта немерцающаго и незаходимаго.

Но какъ горькая дѣйствительность мало соотвѣтствуетъ свѣтлымъ хрістіанскимъ упованіямъ! Гдѣ сила Христова просвѣщенія духа человѣческаго? Гдѣ подвижники духа? Гдѣ вѣра ихъ? Гдѣ сила ихъ, переставлявшая горы? Гдѣ явно дѣйствующая благодать Духа Святаго? Гдѣ они, великіе свѣтильники вѣры, Преподобные, эти Ангелы во плоти, насъ спасающіе?...

Тревожное сердце хрістіанское, недоумѣнно и въ тайнѣ озираясь на окружающую его дѣйствительность, съ тревогой,

близкой къ отчаянію, готово спросить Господа своего: да есть ли теперь даже и спасающіеся? А злобный духъ времени змѣинымъ шепотомъ отступничества уже шепчетъ рабамъ своимъ: хрістіанство дискредитировано,—долой хрістіанство, долой Церковь, долой монашество, поповъ, долой всѣ предразсудки и, суевѣрія вѣры, тормозящіе движеніе земной культуры, прогресса единого бога—человѣческаго разума! Царь міра—плоть, вѣчное блаженство—царство всеобщей сытости! Прочь призраки и мечтанія слабыхъ разумомъ, оболыщенныхъ и оболыщаемыхъ своекорыстными жрецами!...—Вотъ какія рѣчи ведетъ къ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ духъ времени сего, князь міра сего, торжествуя уже близкую свою, конечную побѣду надъ ослабѣвшимъ въ духѣ хрістіанствомъ. — Такъ, но крайней мѣрѣ, думаетъ отступнической міръ.

— „Не бойся, малое стадо! ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ Царство“. На всѣ времена сказано было это слово нашимъ Спасителемъ и Богомъ: во всѣ времена стадо Хрістово, вѣрное своему Пастыре-Начальнику въ полнотѣ духа и истины, было не велико, потому что всегда былъ тѣсенъ и прискорбень путь Креста Хрістова и широко отверзты врата, ведущія въ погибель; въ концѣ же временъ, при внѣшнемъ и кратковременномъ торжествѣ зла, оно будетъ казаться еще меньше, но все-таки, будетъ Церковью, которой не одолѣтъ всей силѣ вражьи.

И теперь, въ наши лютыя и многобѣдственныя времена, еще живутъ и работаютъ на Божьей нивѣ незримые міру Божьи трудники, тѣ „семь тысячъ“, которыхъ соблюлъ Себѣ Господь и которые не подклонили выи своей Ваалу.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Оптину Пустынь, за бесѣдами съ богомудрыми старцами, довелось мнѣ услышать объ одномъ изъ членовъ этого святаго братства, Игуменѣ Феодосіи, скончавшемся въ 1903-мъ году и послѣдніе годы своей жизни пріютившемся на покой подъ тихую сѣнь Скита великой духомъ Оптинской обители. И все, что рассказывали мнѣ объ этомъ старцѣ, до того было близко моему сердцу, такъ трогательны были о немъ еще живыя воспоминанія, что я невольно имъ заинтересовался. Богу угодно было раскрыть мнѣ душу этого молитвенника и дать мнѣ въ руки такое сокровище, которому равнаго я еще не встрѣчалъ въ грѣшномъ своемъ общеніи со святыми подвижниками, работающими Господу въ тиши современныхъ намъ православныхъ монастырей.

Сокровище это—автобіографическія замѣтки въ Бозѣ почившаго игумена, которыя онъ составилъ незадолго до своей праведной кончины. Со времени учрежденія православныхъ монастырей не было примѣра, чтобы кто-либо изъ ихъ насельниковъ

и подвижниковъ оставилъ о себѣ свои воспоминаія, касающіяся самой интимной стороны жизни монашескаго духа, сохранилъ бы подробную исторію своей души, стремящейся къ Богу, своихъ паденій и возстаній, и повѣдалъ бы о силѣ Божіей, въ его немощи совершавшейся и неуклонно руководившей имъ на пути къ земному совершенствованію въ благодати и истинѣ и къ Царству свѣта невечерняго. Тѣмъ и драгоцѣнны эти замѣтки, что онѣ съ необыкновенно-правдивой ясностью указываютъ намъ, что и въ наше время, и въ ослабѣвшемъ нашемъ хрістіанскомъ духѣ, возможенъ и всякому доступенъ, съ Божьей помощью, путь спасенія и соединенія съ Господомъ Іисусомъ, Который все Тотъ же, что былъ отъ созданія человѣка и останется Тѣмъ же во вѣки. Съ необычайной живостью и съ неослабѣвающимъ интересомъ ведется эта лѣтопись сердца почившаго игумена и раскрывается исторія земнаго испытанія этой хрістіанской души. Съ рѣдкой правдивостью, съ которой автобіографъ не щадитъ и самого себя, повѣствуется имъ и о той мірской и монастырской обстановкѣ, въ которой трудилось его сердце въ исканіи Бога и Его вѣчной правды: какъ живые воскресаютъ передъ читателемъ тѣни недавняго прошлаго, тѣни тѣхъ среднихъ русскихъ людей, изъ которыхъ одни работали надъ созданіемъ храма Божьяго въ сердцѣ Православной Россіи, а другіе по слабости своей и невѣдѣнію—надъ его разрушеніемъ. Съ рѣдкой силой, съ лѣтописной простотой ведется удивительное повѣствованіе это о людяхъ, о событіяхъ, о душѣ человѣческой и о силѣ Божіей, надъ всею ихъ немощью совершавшейся, и самъ игуменъ возстаетъ передъ читателемъ во всей яркости своего духовнаго облика.

Увѣренный въ особой назидательности этихъ замѣтокъ почившаго игумена какъ для вѣрующаго православнаго люда, такъ и для монашествующей современной братіи, я разобралъ ихъ, связалъ ихъ, по силѣ своего разумѣнія, въ одно цѣлое, не убавивъ и не прибавивъ въ нихъ ничего своего, самоизмышленнаго и даже, по возможности, сохранивъ слогъ и способъ выраженія мыслей самого автора. Покойный, не получивъ законченнаго образованія, не могъ создать и обработать цѣльнаго литературнаго произведенія, но природное дарованіе его было не изъ заурядныхъ, и оно дало въ его замѣткахъ такой богатый и яркій литературный, бытовой и психологическій матеріалъ, что легкокъ былъ мой трудъ, который я теперь и предлагаю вниманію и назиданію моего дорогаго читателя.

Въ напутствіи къ біографіи игумена Θεодосія сообщу характерную черту прозорливости великаго старца и наставника монашествующей братіи Оптиной Пустыни и всего православно-вѣрующаго міра, Отца Амвросія Оптинскаго, подъ духовнымъ крыломъ котораго воспитывался и отецъ Θεодосій.

Жилъ игумень Ѳеодосій уже на покоѣ въ Скиту Оптинской Пустыни и, несмотря уже на извѣстную только одному Богу степень своей духовной высоты, нерѣдко подвергался искушенію отъ духа унынія, столь знакомаго всѣмъ, кто внималъ своей духовной жизни. Въ одно изъ такихъ искушеній прибѣгаетъ старецъ-игумень къ старцу Амвросію и почти съ отчаяніемъ плачетъ къ нему:

— „Батюшка, спаси—погибаю! Свинья я, а не монахъ: сколько лѣтъ ношу мантию, и нѣтъ во мнѣ ничего монашескаго. Только и имени мнѣ, что—свинья!“

Улыбнулся старецъ своей кроткой улыбкой, положилъ свою руку на плечо склонившемуся передъ нимъ и плачущему игумену и сказалъ:

— „Такъ и думай, такъ и думай о себѣ, отецъ игумень, до самой твоей смерти. А придетъ время: о насъ съ тобой, свиньяхъ, еще и писать будутъ“.

Это мнѣ рассказывалъ одинъ изъ сотаинниковъ жизни покойнаго игумена, нынѣ еще здравствующій отшельникъ Оптинской.

Лѣтъ двадцать прошло съ этихъ знаменательныхъ словъ блаженнаго старца, и суждено было имъ исполниться черезъ мои грѣшные руки, руки того человѣка, который въ то время самъ такъ далеко былъ не только отъ подвижниковъ монашества, но и православнымъ-то числился по одной метрицѣ, выданной Московской Духовной Консистоіей для поступленія въ гимназію.

„О, бездна богатства и премудрости, и вѣдѣнія Божія! Какъ неисповѣдимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его!“ (Рим. XI, 33).

I.

Относительно моей родословной вотъ что я не разъ слышалъ въ юности лично изъ устъ моего родителя.

Пращуръ нашъ мѣстожителство имѣлъ въ селѣ Меликѣ въ 12 верстахъ отъ г. Балашева, Саратовской губерніи. Въ то время городъ этотъ былъ ни что иное, какъ деревня, принадлежащая помѣщику Б.....у, а селеніе Меликѣ—нѣсколько сотенъ семей язычниковъ-идолопоклонниковъ Мордовцевъ. Мой прищуръ былъ ихъ старшій повелитель и начальникъ. Когда Петръ I, желая скрыть свои благодѣтельные и мудрые планы отъ наблюденія кабинетовъ Европейскихъ державъ, строилъ флотъ для взятія Азова въ Воронежѣ, пращуръ нашъ, безъ всякаго со стороны правительства къ тому побужденія, возымѣлъ собственное желаніе принести, по силѣ возможности, дань своего вѣрноподданническаго чувства, и когда Государь нуждался въ матеріальной помощи, онъ нарубилъ для него нѣсколько сотъ вѣсковыхъ кора-

бельныхъ дубовъ, срубилъ ихъ въ плоты и собралъ нѣсколько тысячъ пудовъ ржаной муки отъ всѣхъ подвластныхъ ему племенъ. Все это онъ желалъ доставить въ куляхъ на плотахъ по рѣкамъ Хопру и Воронѣ. Но, такъ какъ въ то время не было въ той странѣ хорошихъ лоцмановъ, и по рѣкамъ не было открыто судоходство, то планъ его не осуществился и цѣль не была достигнута. Плоты, которые были спущены съ грузомъ кулей муки во время полой воды, занесло въ рукава заливовъ, а нѣкоторые и воевое потонули. Только нѣсколько плотовъ догнали до Новохоперской крѣпости. Съ великимъ горемъ ускоришь мой пращуръ на лошадахъ въ Воронежъ и предсталъ предъ лицо Державнаго и объяснилъ Ему о неудачѣ своего предпріятія. Петръ не оставилъ безъ вниманія усердія Мордвина и пожаловалъ ему въ знакъ своей милости водяную мельницу на рѣкѣ Хопрѣ, близъ села Рѣпинаго, въ вѣчное потомственное владѣніе и нѣсколько десятинъ лѣсу съ землею, на что была выдана грамота, впоследствии записанная въ церквахъ Рѣпинской и Бѣломойской. Подаренный лѣсъ былъ окопанъ глубокой канавой, слѣды которой и я не разъ еще видѣлъ, когда ѣзжалъ съ родителемъ моимъ на охоту съ ружьемъ осенью за зайцами. Мѣстность эта поднесъ называется „Крутица“, а прежде называлась „Лѣсъ Вагаева“, по прежней нашей коренной фамиліи.

Въ бытность свою въ Воронежѣ, пращуръ мой не разъ удостоивался бесѣдовать со Святителемъ Митрофаномъ и имъ былъ наученъ таинствамъ Христовой вѣры и былъ крещенъ въ рѣкѣ Воронежѣ, а, по возвращеніи своемъ въ село Меликъ, онъ убѣдилъ всѣхъ жителей этого села принять св. Крещеніе. Впоследствии пращуръ мой, по усердію своему, выслалъ одной изъ Царицъ, отлитый по его заказу колоколъ, который былъ цѣль еще и во дни жизни моей бабки. Рассказывая мнѣ объ этомъ событіи, бабка моя сказывала мнѣ, что мельницей и лѣсомъ мы владѣли до царствованія Екатерины II.

Проходить образъ міра сего.

Вотъ имена моихъ ближайшихъ родоначальниковъ:

Прадѣдъ моему отцу—Симеонъ, жена его—Соломонія.

Дѣдъ—Іаковъ, жена его—Оекла.

Отецъ—Родіонъ, жена его Васса.

Родитель мой—Аванасій, мать моя—Агаөія.

Братья мои: Θεодоръ, скончался въ 1846 году на 21 г. отъ рожденія, Іоаннъ родился въ 1835 году (я былъ 8 лѣтъ).

Сестры: Екатерина, Пелагія.

Всѣхъ же насъ у родительницы было 21 человекъ, но тѣ умирали во младенчествѣ году, трехъ и пяти лѣтъ.

Родительница моя умерла въ 1851 году 27 Сентября и похоронена на общемъ кладбищѣ (Новомъ) въ гор. Балашовѣ на

51 году, отъ рожденія своего. Родитель скончался въ 1857 году Августа 7-го на 60-мъ году, а погребенъ въ селѣ, бывшемъ городѣ, Добромъ, Лебедянского уѣзда, Тамбовской губерніи, близъ Тихвинской церкви.

Сотвори имъ, Господи, вѣчную память!

Прошу всѣхъ православныхъ съ поклономъ до земли и съ росой сыновняго усердія на рѣсницахъ, поминать ихъ имена на проскомидіи и въ частныхъ своихъ святыхъ молитвахъ, и благодій Господь въ милости Своей да помянетъ всѣхъ насъ. Аминь.

II.

Говаривала мнѣ моя бабушка: „когда я была лѣтъ восьми или девяти, мы жили въ селѣ Рѣпномъ отъ г. Балашова въ 7 верстахъ. Я любила очень ходить въ церковь и, какъ услышу звонъ колоколовъ, сзывающій народъ къ обѣднѣ, такъ сейчасъ и бѣгу въ храмъ Божій. Бывало и въ будни я такъ-то ради церковной службы бросала игры съ подругами, съ которыми бѣгала по зеленой травѣ, ловя бабочекъ и, какъ зазвонятъ въ церкви, такъ оставляю все и бросаюсь въ церковь. Въ церкви я становилась у самага амвона, противъ царскихъ вратъ, и зорко слѣдила за всѣми дѣйствіями священника. Причина моихъ наблюденій за священникомъ была та, что однажды, бывши въ праздникъ съ моими родителями у обѣдни, я видѣла надъ престоломъ, немного повыше главы священника, прямо надъ Св. Чашей парящаго Голубя, который былъ бѣлъ, какъ снѣгъ и неподвижно, едва замѣтно трепеща крыльями, держался въ воздухѣ. И видѣла я это не разъ, и не два, а нѣсколько разъ, о чемъ я передала своей подружкѣ, и мы всегда съ нею, какъ только, бывало, услышимъ звонъ колокола, такъ и бѣжимъ изо всѣхъ силъ, желая перегнать другъ друга, и станемъ вмѣстѣ у амвона, дожидаясь появленія блестящаго бѣлаго голубка. И ужъ какъ же любили мы Его за то, что Онъ былъ такой бѣленькій, такой-то хорошенькій!

Но были дни, когда мы такъ и не могли дождаться этого чуда, которое совершалось только во время служенія старика-священника (отца, если я не ошибаюсь, священниковъ, нынѣ служащихъ Алексія и Іоанна Росницкихъ). Только въ его служеніе мы и видѣли всегда нашего Голубка. При другомъ священникѣ этого не бывало. Когда же мы объяснили объ этомъ нашимъ родителямъ, а родители сказали священнику Росницкому, съ тѣхъ поръ мы съ подругой уже болѣе не видали чуднаго Голубочка“...

Бабушка моя, какъ я ее помню, была очень богомольна: цѣлыя ночи безъ сна, стоя на колѣнкахъ, она малывалась Богу и дѣлала это она всегда въ потемкахъ, въ спальнѣ или въ залѣ, гдѣ только не было людей. Когда зимой на полу стоять было

холодно, бабушка становилась молиться на лежанку и забывая, гдѣ она и что она, полагая поклоны, незамѣтно приближалась все ближе и ближе къ краю лежанки и, наконецъ падала на полъ. И случалось это съ ней не разъ. Мы, какъ несмысленныя дѣти, бывало, засмѣемся, восклицая: „ну, бабушка наша опять полетѣла!“—А бабушка, какъ ни въ чемъ не бывало, влѣзетъ опять на лежанку и опять станетъ на молитву. Иногда, слѣлавъ одинъ земной поклонъ, она засыпала на поклонѣ и въ такомъ положеніи храпѣла такъ, что ее было слышно въ другихъ комнатахъ. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Потомъ она опять скоро пробуждалась и опять принималась молиться и класть земные поклоны.

Были дни, когда къ ней приходили ея родныя сестры, тоже старушки, одна—изъ села Рѣпнаго, а другая—городская. Тѣ жили очень бѣдно, а родитель мой жилъ въ довольствѣ, и бабушка моя по жизни своей была много счастливѣе ихъ... Бабушка принимала своихъ сестеръ съ особой лаской и гостеприимствомъ и заставляла меня тогда по вечерамъ читать акаѳистъ Спасителю и Божіей Матери, а сами старушки становились всѣ на колѣни, молясь Богу, и со слезами на глазахъ вслухъ произносили за мной: „радуйся, Невѣсто неневѣстная!“ или „Исусе Сыне Божій, помилуй насъ!“ Послѣ этого онѣ меня заставляли читать, что я и дѣлалъ съ великимъ удовольствіемъ, помянникъ, что въ Псалтири, который начинается такъ: „Помяни, Господи Исусе Христе Боже нашъ, милости и щедроты Твоя, отъ вѣка сущія, ихже ради вочеловѣчился еси и распятіе и смерть спасенія ради право въ Тя вѣрующихъ претерпѣти изволилъ еси“, и т. д. Все это сопровождалось земными поклонами. Затѣмъ шли моленія за Царя и за всѣхъ, „иже во власти суть“, и оканчивалось: „подаждь, Господи, оставленіе грѣховъ всѣмъ прежде отшедшимъ въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія отцемъ и братіямъ и сотвори имъ вѣчную память“.

Послѣ этихъ молитвъ, если зимой бывало еще рано ужинать, заставляли онѣ меня читать Кіевскій Патерикъ, или Четь-Минеи, или что-либо изъ Библии—Бытія, Іова, Товита, или про Іосифа. Я читалъ, а семейство наше все безмолвно слушало и нерѣдко отирало набѣгавшія и катившіяся по щекамъ слезы. Прискорбно намъ тогда бывало, когда старшій братъ мой, Θεодоръ, приходилъ изъ конторы и начиналъ читать литературныя произведенія свѣтскихъ писателей—Загоскина, Марлинскаго, Полеваго, Пушкина и др., къ чему онѣ имѣлъ особенное пристрастіе. Маменька моя любила его чтеніе, и онѣ, бывало, съ улыбкой на устахъ скажетъ намъ:

—„Ну, отцы, убирайтесь-ка въ другую комнату. А нѣтъ—такъ милости прошу къ нашему шалашу послушать и насъ, грѣшныхъ“.

И случалось, что мы сидѣли и слушали, и улыбались при чтеніи какихъ-нибудь смѣшныхъ повѣстей; хохотали же, обыкновенно, всякій разъ, какъ братъ читалъ Гоголя. Бабушка послушаетъ, послушаетъ и закончить тѣмъ, что скажетъ:

— „Бознать, что за галиматя! и слушать-то нечего. То ли дѣло Священное-то Писаніе: тамъ, какъ въ зеркалѣ, видишь свои немощи и поплачешь о своемъ окаянствѣ. А это что? Слова нѣтъ о вѣчности... Зубы только скалятъ! Эхъ, вы дураки, дураки!... Не читай, Ѳедюшка, эти балъе, читай болѣе Священное Писаніе, оно болѣе тебя умудритъ и просвѣтитъ умъ твой, чѣмъ эти умники-то своими писаньями: время только тратятъ понапрасну. Умница писала, дураки читаютъ, а полоумные слушаютъ, да зубы скалятъ... Полно вамъ! идите-ка молиться Богу да ложиться спать, чѣмъ празднословить“.

Часто бабушка, угощая меня чѣмъ-нибудь, говорила мнѣ:

— „Смотри, Ѳедя, умру—поминай меня!“

Я всегда ей обѣщался. И всѣ наши съ ней посидѣлки она всегда заканчивала словами:

— „Смотри, не забудь, а то и помянуть-то некому будетъ: я на этихъ краснобаевъ-то ужъ и не надѣюсь“.

Страшенъ часъ да милостивъ Богъ.

(Окончаніе).

Верстахъ въ десяти—двѣнадцати отъ деревни, среди обрывистыхъ насыпей, тянувшихся вдоль канавы и сплошь покрытыхъ чернѣющими елями и бурыми соснами, пролегла дорога, по которой на карей лошаdkѣ мелкой рысцой возвращался изъ города запоздавшій крестьянинъ. Возъ его былъ тщательно обвить веревками, вдоль телѣги были подвязаны двѣ новыя оглобли. Самъ онъ сидѣлъ на передкѣ и, подергивая возжами, вполголоса обращался къ своей лошади: „но-но! карюшка, подвигайся, милый, скоро дома будемъ. Поди, чай, хозяйка-то заждалась... бранится“...

Онъ поправился на сидѣннѣ и посмотрѣлъ направо и налево... На небѣ выступали рѣдкія звѣзды... луны еще не было видно, но уже свѣтлѣли тонкія облака въ той сторонѣ, гдѣ она должна была показаться. Съ правой стороны таинственный лѣсъ какъ бы разступился и открылъ среди невысокихъ кустарниковъ и молодыхъ елокъ широкое болото, затянутое зеленой трясинной. У ближняго его берега стояли рядомъ двѣ старыя ивы и густо росла высокая, жесткая, начавшая уже желтѣть трава. Оттуда потянуло сыростью... бѣлесоватая мгла стояла надъ болотомъ... Мужикъ посмотрѣлъ по тому направленію и подумалъ: „ишь,

тутъ чертовщинѣ раздолье!.. Но, но, карюшка, не трусъ, бѣги съ Богомъ!“ Онъ взглянулъ на небо: оно, казалось, вздрагивало отъ звѣзднаго трепетанія. Порою, то тамъ, то здѣсь, срывалась звѣздочка и чертила по небу огнистую полоску... Воздухъ замеръ: ни звука, ни шороха... Вдругъ сдѣлалось жутко мужику... Въ этой тишинѣ, въ этомъ онѣмѣннѣи природы, было что-то возбуждающее. Чтобы отогнать отъ себя мысли о болотной чертовщинѣ, онъ снова поднялъ взглядъ на небо. Опять точно бриллиантъ покатился по небу—Дунюшка говоритъ,—это младенцы съ душой расстаются... подумалъ Николай: это былъ мужъ Авдотьи. Сколько звѣздочекъ скатится“ столько и младенчиковъ къ Богу переселится... Что-то мои ребятушки,... чай ждуть игрушекъ то съ нетерпѣнїемъ... Ванюша славный будетъ паренекъ, кровь съ молокомъ; выкормила matka на славу; и Машутка у насъ шустрая дѣвчонка, понятливая такая...—Купи, говоритъ, мнѣ, тятя, куклу!..—И душевная она, въ мать,—та курицы не обидитъ, а ужъ про скотину и не говори!.. Хорошая баба у мена Авдотья!.. подико бѣдная, томится, скучаетъ, какихъ-какихъ ужасовъ не напредставляетъ себѣ!—размышлялъ; Николай, и ему такъ стало жаль жены и дѣтей, и совѣсть упрекнула его въ это мгновение за то, что онъ послушался земляка, прїѣхавшаго изъ Питера, гдѣ тотъ служилъ половымъ въ трактирѣ, и прокутилъ съ нимъ лишній день въ городѣ.—„Ну, ничего,—успокоивалъ онъ себя,—малость поворчитъ на меня, за то больше обрадуется... добрая вѣдь она у меня и ласковая... Теперь ужъ не далече, вонъ и мостикъ за оврагомъ, а тамъ версты 4 останется; луна скоро взойдетъ свѣтло будетъ“... Онъ опять слегка тронулъ возжи, лошадь передернула ушами. Мужикъ замѣтилъ это и покосился на сторону, межъ деревьями въ темнотѣ мелькнула словно тѣнь.

— Но, милой, съ Богомъ!.. Уѣду, думаетъ мужикъ, только бы мост-о-тъ этотъ переѣхать!..—„Онъ торопливо подгонялъ косившуюся по сторонамъ лошадь. Вдругъ у самаго мостика она шарахнулась въ сторону. Изъ-подъ обрывистаго берега поднялась фигура высокаго мужика, который быстро взялъ подъ узцы лошадь и басомъ проговорилъ: „Стой“!! Со стороны лѣса въ эту же минуту подбѣжали еще двое, перескочивъ канаву. У Николая сердце такъ и упало. Въ это мгновение съ неба тихо заструился волшебный свѣтъ луны,... точно серебряный ливень пронесся и окропилъ тончайшей пылью темныя маковки деревьевъ и освѣтилъ лица трехъ недобрыхъ людей.

Тотъ, который держалъ лошадь, былъ лѣтъ сорока, съ включенной черной бородой, въ рваномъ картузѣ и съ топоромъ за поясомъ. Другіе два гораздо моложе; одинъ изъ нихъ тоже одѣтъ былъ въ какіе то лохмотья, третій же имѣлъ видъ какъ бы атамана. Молодое, красивое лицо съ небольшими усиками,

русые, вьющиеся и густые волосы и могучія плечи, на которыхъ надѣтъ былъ подпоясанный ремнемъ кафтанъ. Голову покрывала круглая мерлушковая шапка, сдвинутая немного со лба.

— „Стой!“ повторилъ онъ восклицаніе перваго разбойника— и подошелъ ближе къ Николаю. Николай увидалъ, что кафтанъ его на груди оттопырился и виднѣлась рукоятка какого то оружія. Какъ молнія пронизала мысль его: не уйти... смерть!.. жена... дѣтки... пропало все!.. Онъ призвалъ къ себѣ всю храбрость свою и рѣшилъ не защищаться, а отдать себя на волю Божию.

— Что везешь?! смотря на блѣдное лице крестьянина, усмѣхаясь спросилъ атаманъ. Николай по видимому спокойно слѣзъ съ тѣлеги, снялъ шапку и поклонившись отвѣтилъ: „Не велико добро везу, добрый человѣкъ, везу домой чай да сахаръ, да мучки бѣлой на праздникъ, да обновки хозяйшкѣ моей съ дѣтками. Не жаль мнѣ ничего, добрый человѣкъ, хошь—возьми, не губи только души моей, не оставь моихъ ребятишекъ сиротками“... Атаманъ смотрѣлъ на него подбоченясь. Другіе два тихо переговаривались между собой и въ тонѣ ихъ голоса слышно было неудовольствіе. Черный мужикъ потрогивалъ рукой топоръ свой: имъ нелюбо было, что „забубенный“ ихъ въ разговоры пустился. По-ихнему бы надо было не зѣвать, а разъ, два... да и схоронить концы въ болотѣ... все втянетъ въ свою бездонную глубину; а добро и безъ всякихъ разговоровъ было бы ихъ. Они нетерпѣливо перерѣзали веревки и стали вынимать изъ тѣлѣги свертки. Атаманъ смотрѣлъ на нихъ молча и какъ бы что-то соображалъ.

— Дѣтки, говоришь, малыя есть?—спросилъ онъ съ теплой ноткой въ голосѣ.

— Да, добрый человѣкъ, есть,—Машутка—дѣвочка, да сыночекъ Ванюша; вотъ, ему и лошадку эту везу въ гостинецъ изъ города. Николай взялъ въ руки картонную лошадь изъ растрепаннаго руками разбойниковъ свертка и показалъ ему. „Забубенный“ взялъ въ руки игрушку и точно задумался... Изба... красавица жена... сынокъ... соперникъ, обидчикъ... алая лужа крови и на рукахъ кровь и... кандалы... Потомъ широкая рѣка, лѣсъ и воля,... а жена и сынокъ все сиротами...

Все перешарили и выгрузили разбойники изъ тѣлѣги Николая и обратились съ непонятными ему словами къ своему атаману. Онъ, возвыся голосъ, что-то отвѣтилъ имъ и потомъ, хлопнувъ крестьянина по плечу, сказалъ:

— „Поѣзжай!.. вези своимъ сынку да дочкѣ игрушки, да женѣ отъ меня кланяйся,... а это намъ оставь съѣсть, за твое здоровье“... Онъ разсмѣялся и властно гикнулъ на своихъ товарищей. Всѣ трое живо подобрали товаръ и скрылись въ лѣсу. Мужикъ поднялъ глаза на звѣздное небо, на рѣсницахъ его бле-

снули слезы радостнаго волненія, онъ широко перекрестился, сѣлъ въ телѣгу и погналъ лошадь.

Она, почувствовавъ облегченіе на возу, какъ будто и съ легкимъ сердцемъ послѣ перенесенной тревоги, быстро побѣжала по знакомой дорогѣ къ своей деревнѣ. Только грохотъ колесъ пустой телѣги нарушалъ прежнюю тишину лѣса и точно отдаленные раскаты грома, вторило ему эхо.

Луна, свидѣтельница чуть не совершившагося людскаго преступленія, какъ бы радуясь счастливой развязкѣ, ярко освѣщала дорогу. Въ ея голубоватомъ туманѣ тонула даль, лѣсъ рѣдѣлъ и по сторонамъ дороги, подобно сказочнымъ существамъ, появлялись и пропадали бѣлыя очертанія обнаженныхъ деревьевъ... Все кругомъ погружено было въ волшебный сонъ... Въ два часа ночи пріѣхалъ Николай домой и осторожно постучалъ у дверей. Почти тотчасъ же онъ услышалъ за нею шорохъ и голосъ Авдотьи: „Кто тутъ“?!—Дунюшка, родная, отвори,... взволнованно проговорилъ онъ и черезъ минуту горячо обнималъ свою жену, плача у нея на плечѣ, какъ ребенокъ. Сразу ничего не могла сообразить Авдотья,—сонъ это, или на самомъ дѣлѣ она видитъ мужа живымъ и обнимаетъ его. Долго она не спала, все тоскуя сердцемъ о немъ, а тутъ должно быть немного и забылаеь, да стукъ въ дверь ее тотчасъ же разбудилъ.—Николай, болѣзненный мой, что ты, что съ тобой? наконецъ опомнившись спросила она. И тутъ мужъ началъ рассказывать ей подробно все, что онъ пережилъ нѣсколько часовъ тому назадъ. За все время его разсказа Авдотья всплескивала руками и восклицала:—„о Господи! Царица Небесная“!.—И когда Николай кончилъ, обнявъ ее въ радости и прижимая къ груди, она съ воодушевленнымъ лицомъ сказала ему, указывая рукой на образъ Николая Чудотворца, освѣщаемый маленькимъ огонькомъ лампадки:—„вотъ кто былъ заступникъ твой! Угодникъ услышалъ молитву младенца и мою и смягчилъ сердце злодѣя. Вечеромъ, Машутка и я молились Ему въ тоскѣ о тебѣ, прося сохранить тебя въ пути. Помолимся же, родной, и теперь, поблагодаримъ Его, многомилостиваго, что Онъ отвелъ руку убійцы отъ тебя и не сдѣлалъ насъ сиротами.

Мужъ и жена опустились на колѣни.

Ярко свѣтило солнышко на другой день, привѣтливо заглядывая въ окна избы Николая и Авдотьи; большими четырехугольными пятнами освѣщало оно: столъ, лавку, противоположную окну стѣну и полъ. На полу сидѣли Маша и Ваня; Ваня дергалъ за хвостъ новую лошадь, а Маша повязывала куклѣ голову платкомъ. Авдотья съ веселымъ и радостнымъ лицомъ пекла жирные шаньги для мужа, а тотъ сидѣлъ на лавкѣ и съ тихой, счастливой улыбкой переводилъ свои взгляды съ дѣтей на жену.

Архимандритъ Іаковъ (Поспѣловъ)

и его письма къ игуменіи Арсеніи (Корчагиной).

(Продолженіе).

9.

8 Мая 1881 года.

Миръ и благословеніе Божіе,
многоуважаемой монахинѣ Арсеніи!

Сегодня Православная Церковь празднуетъ съ Ап. Іоанномъ Богословомъ и память преп. отца нашего Арсенія Великаго, коего вы святое имя носите. Это достопамятный день Ангела незабвеннаго старца—моего отца благодѣтеля, схимонаха Арсенія,—и день вашего Ангела. Поздравляю васъ съ наступленіемъ этого праздника и со днемъ вашего Ангела. Желаю вамъ провести сей праздникъ въ духовной радости и въ душевномъ спасеніи. Вы благодарите: во славу Божію... Благодарю васъ за все. Спаси васъ Господи! Нѣтъ, я живу не по заповѣдямъ Божіимъ. Гдѣ заповѣдь, тутъ и преступленіе.—По моему, исполнялъ Евангельскія заповѣди покойный старецъ Арсеній,—ибо имѣлъ сердечное смиреніе,—богодарованное. Смиреніе по разуму св. отцовъ, и безъ дѣлъ спасаетъ.—Для чего же заповѣди? Чтобы онѣ насъ смиряли, Общались сохранять, а не можемъ сохранить. И по неволѣ должны себя считать окаянными.—Смиреніемъ, ничѣмъ больше не побѣдишь унынія.

Дошелъ слухъ, что м. Игуменья васъ допустила къ исправленію должности благочинной. Явное дѣло, Богъ смягчилъ ея сердце, а до этого все врагъ ожесточалъ ея сердце. Богъ отъялъ ожесточеніе. Вы утверждены благочинной, кажется болѣе десяти лѣтъ назадъ!—Послѣ обѣда, по вечеру: за любовь обойти сколько нибудь келлій. Знать не хочу запинаній вражихъ; иду по должности. Когда здоровы,—исполните долгъ; немощны—смиритесь. Врагъ наводитъ презрѣніе и небреженіе. Поминайте слово Спасителя: болѣвъ, посѣтите Мене... Чѣмъ больны? Мирны ли духомъ, спросите,—и утѣшайте, что Богъ на сердце положить.—Усердіе къ дѣлу благочинія ровненькое. А безъ Бога ничего не могу. Иногда бѣгаютъ людей подъ видомъ благочестія, какъ будто отъ смущенія: это фальшь.

Должности—ко смиренію, — безъ должности, въ келейномъ безмолвіи,—думаетъ наложено смиреніе; а какъ дѣло—должность, хватъ; пусто! Слава Богу, я теперь кротокъ; какъ заревѣлъ гнѣвъ. Ну и позналъ. По разуму старчества,—отъ соображенія съ людьми на должности, мы познаемъ свои немощи. Помнится,—для прогнанія унынія въ Добротолубіи совѣтуется посѣщеніе больныхъ!

Кажется довольно;—горе, насъ начальниковъ, будутъ судить

за несмотрѣніе. Попечемся исполнять завѣтъ Богоматери: видишь дѣло не правое,—порокъ обличи. За то не будешь наказанъ, что тебя не послушаютъ, а судимъ будешь, что не обличишь, лицепріятія ради.

Простите и помолитесь.

Вашего душеспасенія желатель и богомолецъ К. Арх. Іаковъ.

БОЖЬЕ ОКОНЦЕ.

Изба безъ оконъ не можетъ быть. Хотя одно оконце, а все есть. И въ одно оконце ясное солнышко заглянетъ, озолотитъ стѣны чуднымъ блескомъ,—освѣтитъ и обогрѣетъ бѣдную избушку...

Такъ и душа не можетъ быть безъ Божьяго оконца—безъ доброй „Божественной“ науки; такъ и деревня гдѣ живутъ добрые хрістіане, не можетъ быть безъ школы. Хорошая, православно-русская школа—Божье оконце для деревни. Черезъ это оконце въ душу и сердце каждаго ребенка Божье слово войдетъ,—освѣтитъ его Божьею красотою, пригрѣетъ Божьею любовью...

Хорошо въ избушкѣ, когда въ ней окна высокія и широкія! Больше свѣта будетъ,—солнышко свободнѣе заиграетъ... Любо въ томъ городѣ или въ деревнѣ, гдѣ большая добрая школа, гдѣ дѣти научаются разнымъ полезнымъ наукамъ. „Наука въ глѣсъ не ведетъ“... Хорошая, Божья наука научаетъ, какъ по-Божьи жить, какъ мирно, по-братски улучшать свою личную общественную жизнь, какъ выгоднѣе хозяйство повести, какъ здоровье сберечь, какъ сады и пасѣнки разводить, какъ хорошія избы и другія постройки возводить, какъ разнымъ ремесламъ обучаться... Какъ пчелка медъ, такъ и добрая наука вездѣ собираетъ *наилучшее*, и несетъ это добро родному краю...

Мало еще у насъ порядка, хорошихъ полезныхъ обычаевъ. А почему?—Школъ мало,—да и тѣ, что есть, мало знаній даютъ, мало учатъ дѣтокъ по-Божьи жить,—до настоящаго, прочнаго хрістіанскаго просвѣщенія не доводятъ... И темный непросвѣщенный народъ часто черезъ это не отличаетъ своихъ друзей отъ враговъ и готовъ подчасъ отказаться отъ самой дорогой святыни, въ угоду „волкамъ въ овечьей шкурѣ“...

Будемъ-же, братья — хрістіане, заводите у себя широкія и большія Божьи оконца—православныя школы; пусть эти школы ютятся подъ крылышкомъ храма Божія; будемъ чрезъ нихъ собирать, какъ пчелка медъ, все наилучшее въ душу дѣтокъ своихъ... Человѣкъ богатѣетъ не мощной, а умомъ-разумомъ, да добрымъ сердцемъ.

Свящ. С. Нозубовскій.